

ФИЛОЛОГИЯ*(шифр научной специальности: 10.02.01)*

УДК 81

И.В. Нефедов*Южный федеральный университет**г. Ростов-на-Дону, Россия*

igornef@yandex.ru

**ЦИТАТА КАК ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ
В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ
(НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ К. РОМАНОВА «РОЗЫ»)****[Igor V. Nefedov Quotation as an intertextual element in the poetic speech
(on the material of the poem by K. Romanov “Roses”)]**

The quotation “How good, how fresh the roses were ...” from Ivan Sergeyevech Turgenev's prose of the same name, was analyzed in the poem “Roses” by K. Romanov. This quote was creatively used in his works and other artists of the word. Konstantin Romanov used this stanza three times, inserting some words into it and showing the conditionality of the metaphorical meaning of the changed precedent quotation in a poetic context. The poem of K. Romanov consists of three stanzas. The first stanza is written in high style. It feels the remnants of romanticism. The lyrical hero recalls youth with sadness and love. Having inserted a pronominal adverb *then* into a precedent quotation, the author emphasizes that everything that was previously described is in the past. The second stanza is also sustained in a high style, but there are many elegiac vocabulary that forms the theme of everyday adversity at the time of maturity. This theme is replaced by a lively motive. The adverb of time *now* is included in the final precedential quote and the demonstrative pronoun *these*, emphasizing that, despite troubles and sorrows, life is still good. The third line-story deals with the final period of a person's life. The stanza ends with a modified precedent quote cited in the plan for the future. It metaphorically expressed the idea that the last period of a person's life is beautiful: “How good *then*, how fresh the roses *will be!*”.

Key words: how good, how fresh were the roses, intertextual analysis, pre-procedural quotation, paraphrase, syntactic parallelism, inversion, metaphorical meaning, elegiac mood.

В последние десятилетия значительно возрос интерес филологов к интертекстуальному анализу художественных произведений. Большой притягательной силой для исследователей обладают поэтические произведения «розового» цикла: «Розы» И.П. Мятлева, «Как хороши, как свежи были розы...» И.С. Тургенева, «Классические розы» И.В. Северянина [2, с. 57–58; 6, с. 167–168; 5, с. 146]. Ученые отмечают, что начало «вращенью роз»

положило стихотворение И. Мятлева, которое начинается так: «Как хороши, как свежи были розы В моем саду...». Слово розы употреблено поэтом в прямом значении – «цветы», хотя далее в элегии Мятлева это слово приобретает переносное значение – «символ любви и радости» («Казалось мне, в них расцветала радость, Казалось мне, любовь дышала в них»). Первая часть стихотворения выражает приподнятое настроение, содержит эмоциональный подъем. Это нужно автору элегии для того, «чтобы резче подчеркнуть зыбкость красоты, молодости, жизни. Эмоциональный слом усиливается риторическим вопросом, разделяющим стихотворение на две части: жизнь и смерть» [1, с. 20]:

И где ж они? В погосте белый камень,
На камне роз моих завянувший веночек.

В контексте всего стихотворения строка «Как хороши, как свежи были розы» звучит как воспоминание не только о прекрасном, но и о трагическом. Это сожаление о безвременной кончине «девы рая», «ангела красоты», «царицы», на надгробном камне которой «роз ... завянувший веночек».

Мятлевскую строку «Как хороши, как свежи были розы» спустя много лет использовал Иван Сергеевич Тургенев. Он назвал так одно из своих лирических стихотворений в прозе, проникнутое чувством одиночества, печали и горечи. В тексте самого стихотворения эта строка звучит рефреном шесть раз. Главное в миниатюре И.С. Тургенева – это мотив старости, уходящей жизни и ностальгия по молодости, любви и красоте. Все бренно, тленно, все проходит, и лишь воспоминания о былом поддерживают человека на склоне лет.

Мятлевская строка, несколько измененная, звучит и в стихотворении И.В. Северянина «Классические розы». Более того, первые четыре строки элегии И.П. Мятлева Северянин взял в качестве эпитафии к своему стихотворению:

Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодной рукой.

Эпитафия служит композиционным приемом – это своего рода экспозиция после заглавия, но перед текстом. Через эпитафию автор открывает внешнюю границу текста для ассоциаций, связанных с прецедентным текстом. И, как следует из последующего текста, И. Северянин использует

первую строку эпиграфа вначале без изменений, а во втором и третьем ка-тренах – с изменениями. У Северянина в стихотворении три временных плана – прошлый, настоящий и будущий:

Как хороши, как свежи *были* розы

Моей любви, и славы, и весны ...

...

Как хороши, как свежи *ныне* розы

Воспоминаний о минувшем дне.

...

Как хороши, как свежи *будут* розы,

Моей страной мне брошенные в гроб.

Как видно из приведенных примеров, семантическая атмосфера в стихотворении И. Северянина совершенно не похожа на мятлевскую. Строка Мятлева «Как хороши, как свежи были розы» оказалась включенной в другой поэтический текст. Она образовала интертекстуальные фигуры речи (розы любви, и славы, и весны; розы воспоминаний ...; розы ..., брошенные в гроб), и от восторженного отношения Мятлева к розам, печали по поводу смерти «девы рая» и увянувшего венка роз почти ничего не осталось, кроме общего мотива грусти о прошлом. В стихотворении Северянина речь идет о былой любви и поэтической славе, о том, что «ныне» лирический герой живет лишь воспоминаниями об этом, но он уверен, что в будущем обретет поэтическое бессмертие. Однако стихотворение не отличается оптимизмом, «доминирующей нотой эмоциональной партитуры стихотворения становится трагическая» [1, с. 23]. Лирический герой не может и не хочет жить только прошлым и думать только о посмертной славе.

Использование Северяниным трех временных планов для описания своего эмоционально-психического состояния объясняется историческими событиями. До революции 1917 года поэт жил в России и был знаменит. Революцию он не принял и в 1918 году эмигрировал в Эстонию.

Подобное трехвременное стихотворное решение строки «Как хороши, как свежи были розы» есть и еще в одном произведении, и написано оно задолго до появления стихотворения Северянина. Это стихотворение Константина Константиновича Романова «Розы» («Во дни надежды молодой»). К. Романов (1858–1915) – великий князь, внук царя Николая I, президент Импера-

торской Санкт-Петербургской академии наук, драматург, переводчик и поэт. Свои произведения он подписывал криптонимом «К.Р.». История стихотворения «Розы» связана не с какими-либо общественно-политическими событиями в России, а с личной жизнью поэта, с его женой, которой и посвящено данное стихотворение. В Измайловском полку, где служил К. Романов, проходили «Измайловские Досуги», где все желающие писали стихи на определенную тему. В 1886 году для вариаций было выбрано стихотворение в прозе И.С. Тургенева «Как хороши, как свежи были розы...». Так появилось на свет стихотворение К. Романова «Розы» [7]:

Во дни надежды молодой,
Во дни безоблачной лазури
Нам незнакомы были бури, –
Беспечны были мы с тобой.
Для нас цветы благоухали,
Луна сияла только нам,
Лишь мне с тобою по ночам
Пел соловей свои печали.
– В те беззаботные года
Не знали мы житейской прозы:
Как хороши тогда,
Как свежи были розы!
То время минуло давно...
– Изведав беды и печали,
Мы много скорби повстречали;
Но унывать, мой друг, грешно:
Взгляни, как Божий мир прекрасен;
Небесный свод глубок и чист,
Наш сад так зелен и душист,
И теплый день, и тих, и ясен,
Пахнул в растворенную дверь;
В цветах росы сияют слезы...
Как хороши теперь,
Как свежи эти розы!
За все, что выстрадали мы,

Поверь, воздастся нам сторицей.
Дни пронесутся вереницей,
И после сумрачной зимы
Опять в расцветшие долины
Слетит счастливая весна;
Засветит кроткая луна;
Польется рокот соловьиный,
И отдохнем мы от труда,
Вернутся радости и грезы:
Как хороши тогда,
Как свежи будут розы! [4]

В этом стихотворении три строфы, и каждая заканчивается несколько трансформированными мятлевско-тургеневскими строками, отнесенными к прошлой, настоящей и будущей жизни. Эти строки являются своеобразным рефреном, вытекающим из содержания каждой строфы. Первая строфа отличается поэтической образностью, в ней чувствуются отголоски романтизма и анакреонтической традиции. Лирический герой и его возлюбленная испытывают в пору юности психологическое состояние радости и наслаждения жизнью. Это состояние влюбленных находится в гармонии с прекрасными явлениями природы и описывается в стихотворении с помощью пейзажной лексики с традиционно высокими поэтическими коннотациями: *лазурь, сиять, благоухать, луна, соловей, розы*. В строфе использованы перифразы образно-метафорического характера, связанные семантически с прошедшей молодостью: «Во дни надежды молодой», «Во дни безоблачной лазури», «В те беззаботные года». Несложная метафора «Нам незнакомы были бури», выполняя эстетическую функцию, усиливает впечатление от благостного состояния лирических героев.

Строфа глубоко интимна, о чем свидетельствует наличие большого количества личных местоимений 1 лица множественного числа, как абсолютное, так и в сочетании с личным местоимением 2 лица единственного числа: *нам (2 раза), мы с тобой, для нас, мне с тобою, мы*.

Заключает первую строфу несколько измененная строка из прецедентного текста «Как хороши тогда, Как свежи были розы», которая передает элегическое настроение лирического героя. Он грустит о том, что пылкая юность

осталась позади. Вставив в известную строку местоименное наречие *тогда*, автор подчеркивает, что все ранее описанное – в прошлом. *Тогда* – это «в юности», «в молодости». Заключительная строка у К. Романова также метафорична, как и у И.С. Тургенева, но она не вызывает сильного чувства тоски, горечи, печали, обусловленного старостью и приближающейся смертью. В стихотворении К. Романова – легкая грусть, связанная с объективной неизбежностью смены одного периода жизни другим.

Вторая строфа, как и первая, также выдержана в высоком стиле. Но если в первой строфе основу составляла высокая лексика, связанная с тематическими полями «время», «наслаждение», «природа», то во второй строфе появляется элегическая лексика, формирующая тему житейских невзгод: *беды, печали, скорбь, слезы*. Однако эта тема быстро сменяется религиозным жизнелюбивым мотивом («Но унывать, мой друг, грешно»). Лирический герой призывает ценить «Божий мир» и радоваться ему. Эта мысль реализуется в стихотворении с помощью пейзажной лексики, вступающей в гиперо-гипонимические отношения со словосочетанием «*Божий мир*»: *сад, свод, день, цветы, росы*. Пейзажная лексика формирует микротемы строфы, занимая синтаксическую позицию субъектов в многокомпонентном сложном предложении. В роли предикатов или полупредикатов выступают краткие формы имен прилагательных, называющих положительные качества этих субъектов. Так возникает синтаксический параллелизм, стилистическая фигура речи, подчеркивающая в данной строфе красоту «Божьего мира» и жизнелюбие лирического героя. В то же время синтаксический параллелизм усиливает эмоциональное воздействие художественного текста на читателя:

Небесный свод глубок и чист,
Наш сад так зелен и душист,
И теплый день, и тих, и ясен,
Пахнул в растворенную дверь.

Краткие прилагательные, будучи книжными формами, способствуют созданию в стихотворении К. Романова стилистической доминанты приподнятости, возвышенности, даже торжественности, что вполне уместно при описании «Божьего мира». Таким образом, во второй строфе начальная элегическая тема сменяется жизнерадостной, и поэтому совершенно логично и жизнеутверждающе звучат заключительные строки строфы: «Как хороши теперь,

Как свежи эти розы!». К. Романов, вставляя в прецедентный текст наречие времени *теперь* и указательное местоимение *эти* подчеркивает, что в настоящее время, в пору зрелости, жизнь так же хороша, как и в пору молодости.

Содержание третьей строфы связано с будущей жизнью, с тем его периодом, который называется старостью. Элегический мотив житейских невзгод, как и во второй строфе, здесь присутствует, но меньше. Он создается прежде всего полисемантическим глаголом прошедшего времени *выстрадали*, причем в данном контексте этот глагол совмещает сразу несколько лексических значений: «испытывать страдание»; «болезненно переживать неудачу, горе»; «терпеть урон от чего-нибудь» [3, с. 760]. Перифраза «после сумрачной зимы» (после былых невзгод) подготавливает читателя к восприятию благополучного будущего. И действительно, в третьей строфе, как и в первой, появляются слова и словосочетания из традиционно высокого поэтического словаря с традиционными метафорическими значениями и положительными коннотациями: *счастливая весна, расцветишие долины, кроткая луна, рокот соловьиный, радости и грезы*.

Местоимения 1 лица множественного числа *мы, нам*, указывающие на лирического героя и его спутницу жизни, так же, как и в первой строфе, в третьей строфе занимают важное место, подчеркивая личностный характер повествования. Семантика личных местоимений и высокой лексики актуализируется инверсией и синтаксическим параллелизмом. Более того, эти стилистические фигуры способствуют ритмико-мелодической организации речи, придавая ей лирическое звучание:

За все, что выстрадали мы,
Поверь, воздастся нам сторицей.
...
Слетит счастливая весна;
Засветит кроткая луна;
Польется рокот соловьиный,
И отдохнем мы от труда,
Вернутся радости и грезы.

Так, третья строфа, как и первые две, написана высоким стилем, но семантически перекликается главным образом с первой строфой, где речь идет о безоблачной юности. Строфа заканчивается рефреном «Как хороши тогда,

Как свежи будут розы!» Местоименное наречие *тогда*, вставленное в прецедентную цитату К. Романовым, в контексте будущего времени означает «в конце жизни». В этих заключительных строках метафорически выражена мысль о том, что и последний период жизни человека прекрасен, так как дает возможность не раз мысленно пережить счастливые мгновения молодости.

Таким образом, поэтические строки «Как хороши, Как свежи были розы», будучи трижды творчески преобразованными автором стихотворения, способствуют созданию в нем различной семантической атмосферы – от светлой грусти до жизнелюбия и оптимизма. Цитата как интертекстуальный элемент является органичной частью стихотворного текста К. Романова и позволяет наиболее адекватно понять и оценить его идейно-эстетическое содержание.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Геймбукх Е.Ю.* «Венок из роз»: И. Мятлев, И.С. Тургенев, И. Северянин // Филологический класс. 2018. № 1(51).
2. *Мятлев И.П.* Стихотворения. Сенсации и замечания госпожи Курдюмовой. Л., 1969.
3. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1995.
4. *Романов К.К.* Розы. [Электронный ресурс]. URL: <https://rustih.ru/konstantin-romanov-rozy/> (дата обращения 11.08.2018).
5. *Северянин И.* Всемирная библиотека поэзии. Избранное. Ростов-на-Дону, 1996.
6. *Тургенев И.С.* ПСС: В 30 т. Сочинения: В 12 т. Сочинения. Т. 10. М.: Наука, 1982.
7. *Юлия К.* Как хороши тогда, как свежи были розы!.. [Электронный ресурс]. URL: https://romanovs-russia.blogspot.com/2012/10/blog-post_11.html (дата обращения 11.08.2018).

R E F E R E N C E S

1. *Geymbukh E.Yu.* “A wreath of roses”: I. Myatlev, I.S. Turgenev, I. Sev-eryanin // Philological class. 2018. No. 1 (51).

2. *Myatlev I.P.* Poems. Sensations and comments of Mrs. Kurdyumova. L., 1969.
3. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Explanatory dictionary of the Russian language. M., 1995.
4. *Romanov K.K.* Roses. [Electronic resource]. URL: <https://rustih.ru/konstantin-romanov-rozy/> (reference date 11.08.2018).
5. *Severyanin I.* World library of poetry. Selected works. Rostov-on-Don, 1996.
6. *Turgenev I.S.* Full collection of works: 30 vols. 12 Vol. Works. Vol. 10. M., 1982.
7. *Julia K.* How good then, how fresh the roses were! [Electronic resource]. URL: https://romanovs-russia.blogspot.com/2012/10/blog-post_11.html (reference date 11.08.2018).

18 августа 2018 г.
